

РУССКИЕ

Немного устав от своих бешеных будней, я решила посетить одну экзотическую страну. Мне казалось, что стоит пересечь далёкую границу, как мир вокруг изменится. Поначалу так и было: всё радовало невероятной новизной. Растения, видовая численность которых не поддавалась счёту, буйно тянули к небу свои пышные кроны, великое множество цветов – прекрасных и благоуханных – рождало мысли о садах Эдема. Пища – настолько экзотична, что трудно было сказать, нравится или не нравится предложенное блюдо. Одно слово: чудеса!

В первую неделю меня бесконечно пленяли странно багровые закаты. После целого дня нестерпимой жары начинало тянуть свежестью с океана, а гигантское, раскалённое докрасна светило нехотя спускалось в его мирно плещущиеся волны за отдыхом и покоем. Для ежевечерних бдений на закате я облюбовала веранду отеля на уровне третьего этажа, украшенную стилизованной под национальную архитектурную традицию крышей. На перила моего обиталища порою совсем близко от меня садились волшебные неведомые птицы, издавая короткие, гортанные звуки, похожие на язык местных жителей, и... исчезали в вечернем небе. Я провожала их взглядом, думая о своём.

Огорчало лишь то, что окна номера выходили не на океан. Однако в первый же вечер я поняла, как мне повезло. Когда стемнело, я вернулась в номер и опешила: вид из моего окна оказался потрясающим. Весь город как на ладони, в вечерних огнях, подобных драгоценному ожерелью на теле обнажённой чёрной танцовщицы. Моему восторгу не было предела!

На пляже отеля я обнаружила сотни своих соотечественников. Русские, украинцы, белорусы, абхазцы, армяне, латыши. Мы не просто говорили на одном языке: у нас была куча общих тем. Нас волновали те же проблемы, у нас были общие чаяния, мы все были рады объединиться снова здесь, на этой далёкой земле. Общие зонты от солнца, соседние шезлонги сближали нас, как сближает потерпевших кораблекрушение совместное пребывание на необитаемом острове. Да, нет больше великой страны, где все мы родились, но как тесно переплетены наши корни! И, наверное, есть в этом что-то разумное, подумалось мне.

У своих соседей по пляжу я однажды попыталась выяснить, что за экзотические фрукты я купила на рынке и сейчас с аппетитом поедала.

– А оно тебе надо? – отозвалась симпатичная крупная хохлушка справа от меня. – Вкусно? Ну и ешь...

К несчастью, как я ни береглась от жестоких тропических лучей, моя северо-европейская кожа так сильно обгорела, что началась аллергия на избыток ультрафиолета. Дальнейший отдых на побережье вместе с остальными туристами казался испорчен, а ездить каждый день на бесконечные экскурсии тоже не улыбалось (тем более, к тому времени самое интересное было увидено). Что делать?

Утром я садилась за роскошный белый рояль начала двадцатого века в холле гостиницы и развлекала проходящих мимо произведениями Бетховена и Баха, Рахманинова и Дворжака, а также многих других авторов (вспомнила всё, что знала),

пела русские песни и романсы. Потом отправлялась на прогулку по территории отеля в закрытой одежде, купленной на местном рынке. Сидела на любимой веранде, писала дневник, обедала, читала, спала, гуляла, ужинала, снова спала. Дни потянулись чередой занятий ради занятий. Я заскучала. Как вдруг в номере отеля, в одном из брошенных на журнальный столик туристических буклетов я обнаружила карту города. Меня обуяла жажда открытий.

С самого утра я надела то, в чём будет удобно много ходить в жаркий день по улицам, прихватила с собою немного фруктов и воды и отправилась в путь. Прежде всего я решила посетить православный храм, обозначенный на карте большим крестом. Находился он так далеко в сети бесконечных переулков, что я засомневалась в своей способности найти его, ведь я гуманитарий, к тому же, как многие люди моей профессии, немного рассеянна. Поэтому после завтрака я усердно помолилась Богу с просьбой облегчить мне путь в Его обитель и сделать дорогу как можно короче и приятней.

Очевидно, моя молитва попала прямоком в уши создателя, так как приехала я довольно быстро. Как и ожидала, церковь, громко именуемая Храмом всех святых, оказалась маленькой и нехитрой, хотя и очень милой. Удивило полное отсутствие людей. Повсюду горели свечи, в одном из окон небольшой механический вентилятор разгонял раскалённый воздух. Я поставила свечу, указала имя родных в двух списках: за здоровье и упокой, оставила немного денег. Сделав несколько фото внутреннего убранства, я уже собиралась уходить, как вдруг появились два русских человека: один пожилой и полный, другой – худенький и совсем молодой. Они что-то оживлённо обсуждали. Я обернулась на их голоса:

– Что-то здесь совсем никого...

– А кого тебе нужно? – отозвался пожилой. – Помолилась, свечу поставила, деньги положила и пошла.

– Вы здесь работаете?

– Да, сторожем, – и продолжил свой разговор с молодым:

– Я измерил, – и сообщил юноше какие-то размеры. – Запомнил?

Тот кивнул.

В разговоре выяснилось, что я беседую с батюшкой («сторожем») и его помощником, выпускником Томской (о счастье!) духовной семинарии. Я немного рассказала о себе: приехала отдохнуть, решила посетить храм, рада знакомству, но была бы ещё более рада встретить здесь своих соотечественников-эмигрантов, причём желательно коллег по профессии.

– Приходи сегодня в шесть, нужная тебе чета будет на вечерней молитве, – ответил важно отец Олег.

– Вряд ли, – ответила я, – слишком далеко до вас добираться.

– Ну, дело твоё... – отозвался отец Олег. – Вот заодно и с земляком пообщаешься, – кивнул он на молодого соратника.

До вечера меня терзали смутные сомнения. Но потом я всё-таки решилась. Навесившись супу в ближайшем кафе, я направилась в город. Добиралась долго. Но, поскольку служба затянулась, хотя бы к окончанию я успела. Мой лоб помазали миррой, я целовала икону и руку батюшки.

Сердце моё наполнилось покоем и благодати, глаза увлажнились, чувства переполнялись. Неизвестно откуда из глубин подсознания всплыли вдруг строчки из «Мастера и Маргариты» о встрече Воланда с Берлиозом и Бездомным. О вежливой

настойчивости председателя МАССОЛИТА по поводу отсутствия сколько-нибудь разумных доказательств в пользу бытия Божия, смутных предчувствий и видений «редактора толстого художественного журнала» (ведь тогда бы ему задуматься над происходящим, и возможно финал его существования, окончательно сложившийся в конце романа на балу у сатаны, мог бы быть другим!). Но я отмахнулась, подобно булгаковскому персонажу, от своих мыслей.

Удивило, что прихожан в церкви было совсем немного – не более десяти человек. Среди женщин выделялась синеглазая белокурая женщина лет тридцати, стоявшая с непокрытой головой в каком-то сарафанчике с открытыми плечами.

«Ишь, курортница, – подумалось мне, – хоть бы голову прикрыла...»

Служба закончилась монологом священнослужителя. Основной темой проповеди было то, что только тот, кто помогает церкви, будет облагодетельствован Господом. В пример он привёл историю о семье из дипкорпуса, имеющую пятерых детей. Они жили прежде здесь, сейчас – в Индии. Так вот, на днях пришло сообщение, что их годовалая Мария выпала из окна третьего этажа и чудом осталась жива, не получив и царапины.

– Вот что значит помощь православной церкви, – гремел под сводами голос священника.

После службы я подошла следом за девочкой лет восьми на исповедь.

– Ну, кайся, – вздохнул отец Олег.

Усевшись на радующем своей прохладой полу у ног сидевшего в большом деревянном кресле священнослужителя, я начала:

– Бог со мной. В кризис бизнес провалился, но я выстояла и сейчас на подъёме.

У меня прекрасные дети, мама. Всё у меня есть, но я так одинока...

Слёзы подступили к горлу, и я едва сдержалась, чтобы не расплакаться. Слова священника пролились как бальзам на моё исстрадавшееся сердце.

– Как же ты можешь быть одинока, если сама сказала, с тобой Господь? – прогудел надо мною его могучий бас.

Он поведал мне библейскую притчу о человеке, долго шедшем через пустыню, и в конце пути поднявшимся на высокую гору. Оглядывая свой путь, мужчина увидел две вереницы следов, которые прямо перед скалами сложились в одну. И он воскликнул:

– Господи, выходит, в конце пути ты покинул меня, и я шёл один?

И Господь ответил ему:

– Неблагодарный! Это не твои, это мои следы. Когда ты уже не мог идти и двигался через силу, я нёс тебя к цели.

– Не нам, не нам, а имени твоему, – продолжил отец Олег, – говорю я всегда. Смирненно проси у Бога во славу его и твоё благо человека, чтобы был он послан тебе от Господа. Если Он сочтёт нужным, то пошлёт тебе достойного, если нет, носи свой крест достойно, не ропща, ибо Бог не пошлёт тебе больше, чем ты можешь вынести. Иди.

Сердце и душа мои преисполнились благодати, и я поблагодарила священника со слезами на глазах. Потом я сидела в храме на скамейке и плакала, совершенно намочив маленький носовой платочек, который держала в руках.

В это время Евгений (томский юноша) и отец Олег всё беседовали с прелестной белокурой незнакомкой.

Утерев слёзы, я начала исподволь её разглядывать с истинно женским любопыт-

ством. Впечатление портила фигура женщины: слишком тонкие ноги, слишком тяжёлое квадратное тело. Впрочем, полной её назвать нельзя. Я решила, что женщина совершенно пленила обоих церковников.

Я могла бы уйти сразу после богослужения, но ждала Евгения, который, вроде бы, тоже хотел со мной поговорить о Томске. Я ждала. Но беседа с белокурой девушкой не прекращалась. Видя, что конца и края этому не будет, я подошла, чтобы попрощаться. Лишь одна вещь не давала мне покоя.

– Почему вы с непокрытой головой? – обратилась я к незнакомке.

– Но у меня же волосы, – пролепетала она с лёгким акцентом, моргая глазами.

«Что за дура?» – подумала я.

– Ерунда, можно и так, – поспешил за неё вступить Евгений, чем снова удивил меня.

«Ох, уж эти мужчины, – снова мелькнуло в голове, – только увидят блондинку – всё, сразу разум теряют...»

Я повернулась к Евгению, собираясь прощаться, как вдруг он с живостью предложил всем вместе спуститься на жилой этаж и там выпить чая и перекусить. Отказаться было неудобно, и я пошла.

За столом нас оказалось пятеро: Евгений, девушка (как выяснилось Ирина), я и двое дочерна загорелых местных – работники при храме. Отца Олега не было видно, и Евгений отправил одного из слуг спросить, будет ли батюшка к ужину.

Разговор между тем у Евгения с Ириной продолжался. Когда Женя выпадал по тем или иным причинам из беседы, я пыталась общаться с молодой женщиной. Разгадка была быстрой и меня позабавила: Ирина оказалась неработающей супругой банкира, который ранее вёл дела в России, Австралии и где-то ещё. Очевидно, в России она и познакомилась с православием, решив обратиться в нашу веру.

Только теперь я поняла, что Женя обхаживает Ирину по наущению отца Олега. По глазам юноши я видела: он очень хочет поговорить о Томске, но долг – превыше всего. Так продолжалось около получаса или даже более. Наконец сверху по лестнице спустился отец Олег. Но отнюдь не за тем, чтобы присоединиться к беседе и трапезе:

– Уже поздно, – довольно холодно сказал он, – надо расходиться.

И строго посмотрел на Женю.

– О, не ругайте его, – поспешила я вступить за земляка. – Мы совершенно его заговорили.

– Он виноват и своё получит, – отрезал батюшка и, поджав губы, удалился к себе.

Мне было далеко добираться в отель, и я вслед крикнула:

– Можно мне переночевать здесь на любом диванчике, чтобы утром пойти к молитве?

– Нет! – услышала я сердитый ответ.

Сетуя, что по темноте мне придётся идти одной мимо недостроенных домов и бродячих собак, я стала собираться.

«Хорошо, что оставила в отеле крупные купюры и всё ценное», – подумала я, похвалив себя за предусмотрительность.

– За мной сейчас придет муж, – прочирикала блондинка.

– В какой стороне вы живёте? – встрепенулась я.

Женщина говорила с акцентом и не очень свободно. В конце концов, она объяснила, что живёт в центре города.

– Может, заберёте меня хотя бы до центра? – попросила я, надеясь хоть как-то обезопасить свой обратный путь.

– Он придет на мотоцикле, – надула губки Ирочка и снова заморгала.

– Я провожу, – поспешил заверить Женя. – Да и страна намного безопаснее России.

Пришёл слуга и позвал юношу к бабушке. Евгений быстро повинился. Я, желая оставить визитку и пригласить земляка при случае в гости (он собирался приехать обратно в Томск в апреле), вернулась в нижний этаж церкви, служивший офисом и гостиной, и услышала доносящийся со второго этажа голос священника:

– ... я понимаю, что ты из Сибири, но к чему приглашать их за стол? У нас тут что, ресторан, гостиница? После службы пятнадцать, ну двадцать минут, и всё, до свидания!..

Я усмехнулась, вспомнив про свои сто местных денежных единиц, оставленных утром. Думаю, маленькую свечу и чашку чая они многократно окупили.

– Спасибо за гостеприимство! – приветствовала я спустившегося ко мне Евгения. – И ещё раз извини, что задержала. Вот моя визитка. Мне пора!

Женя остался с блондинкой, а я зашагала уверенным, твёрдым шагом в нужную сторону.

Путь мой был не ближний, и пару раз мне удавалось «оседлать» нужный транспорт. Потом в районе Третьей улицы все мои попытки остановить хоть что-нибудь оказались тщетны. Мимо меня пролетали либо пустые местные маршрутки, либо машины, забитые местными, иные из них притормаживали, но, видя белое лицо, сразу же топили газ в пол. Простояв так более получаса, я отчаялась. Однако, оглядевшись, взяла себя в руки. По обе стороны дороги кипела ночная жизнь. Все витрины светились, люди всех рас и национальностей сновали туда-сюда, преисполненные смысла какого-то нелепого, но сакрального действия.

– К утру буду в отеле, – сказала я себе, – или я не жена геолога, пусть и бывшая?

Некоторое время я энергично шла пешком вдоль улицы, двигаясь к югу. Однако конца пути даже не намечалось. В какой-то момент я набрела на бездельничающих молодых людей, болтающих, сидя прямо на мостовой возле своих мотоциклов.

– Отель N! – объявила я. – How many?

Один из юношей поднялся навстречу мне и, достав из заднего кармана джинсов свой сотовый, набрал цифру 250.

– No! – запротестовала я и показала два пальца (200).

– О кей! – согласился тот без дальнейших колебаний.

Он помог мне надеть и застегнуть шлем, правильно усесться и поставить ноги. Мои руки он крепко сцепил на своей груди. Я прижалась, дрожа при одной мысли, что мне предстоит столь необычная поездка. Юноша уверенно ударил ногой вниз, и мы полетели с неведомой скоростью и пугающей меня траекторией по ночному городу. Вот это был экстрим! Я не ездила таким образом более двадцати лет с юности, и от сумасшедшей скорости, бешеных виражей и ветра в лицо у меня перехватило дыхание. Сначала ничего, кроме страха, я не чувствовала, потом появилось сумасшедшее желание обхватить парня ногами, раскинуть руки и громко крикнуть, выражая свой восторг этим внезапным возвращением в юность. Но я подумала, что подобная выходка может закончиться тем, что мой водитель свернёт в ближайший переулок и овладеет мною прямо под открытым небом. И я постаралась радоваться как можно тише, смиренно сидя позади гонщика. На безумной скорости, объезжая

всех и вся, мы ехали более получаса. Наконец огни отеля показались вдаль, и я обрадовалась и совершенно успокоилась.

– Отель N! – крикнула я.

–Year, – отозвался юноша.

– Tower! – снова откликнулась я, обращая его внимание на мой корпус отеля.

–Year, – снова услышала я.

На территорию отеля он, однако, не сунулся. Я достала кошелек и протянула обещанные деньги.

– Ещё! – сказал парень по-русски и показал мне пять пальцев.

– Нет! – твёрдо ответила я. – Мы же договаривались за двести.

Развернулась и пошла, чувствуя его досаду. В номере я лишь ополоснула лицо и ноги и провалилась в сон. Да, кстати, нужной мне четы на вечерне не оказалось. И отец Олег, и Евгений, сделав удивлённые глаза, сказали, что пригласили меня лишь к вечерне, а те, кто меня интересуют, будут завтра в девять на заутрене.

Ночь пролетела в одно мгновение. Утром следующего дня я открыла глаза и сказала себе: «Ну, всё! Хватит приключений. Теперь только сон и отдых на побережье!»

С самого утра я отправилась на пляж писать свои наблюдения, поменьше загорать, побольше плавать и вести непринуждённые беседы с соплеменниками по туристическому братству.

После короткого завтрака я снова прикупила что-то из фруктов в корексе. И в очередной раз, разворачивая пищевую плёнку, обратилась к соседям:

– Ну и что здесь на этот раз?

Думаю, я ждала ответа:

– Ой, а оно тебе надо? Вкусно? Ну и ешь...

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Задворки морга были на солнечной стороне. И поэтому каждый раз по весне, начиная с первых погожих дней конца апреля, на небольшой некрашеной деревянной лавке, что у служебного входа, стайками курили и болтали практикантки. Иногда чуть в стороне стоял, погрузившись в свои мысли, с дешёвой папиросой в руках Петрович, всегда в разной степени опьянения, умудрявшийся постоянно ходить со щетиной, по поводу чего сочиняли всякие байки. Трезвым и бритым его не видел никто.

Старый патологоанатом тем не менее своё дело знал крепко, так что на ногах стоял твёрдо и вскрытие производил мастерски, ведь мастерство, как известно, не пропьёшь.

– Салаги, – вздыхал бывало Петрович, – ничего-то вы не умеете... Даже скальпель держите, как пилку для ногтей. Ну какие из вас патологоанатомы!... Смех один... А тут ведь как? Разуметь надо, индивидуальный подход нужен...

И после того, как девчонки заливались дружным хохотом, обиженно мычал:

– Ну что я говорю: дуры...

Молодёжь, со своей стороны, бесконечно подтрунивала над новичками:

– ...А ты к своему жмурику индивидуально подошёл?

В общем, развлекались, потому что весна, молодость, студенчество, а смерть на мраморных столах за стенами морга, в холодных серых помещениях – это то, что бывает в другом измерении, с кем-то, кроме них. Да и как без юмора в анатомическом театре? Так и спиться недолго, как вон Петрович.

И, главное, добро бы пил сам по себе, а то ещё по утрам в те дни, когда у Петровича не было денег на опохмелку, в дверях морга появлялась женщина – пожилая, молчаливая, худая – и приносила этому супостату четушку ядрёного самогона на кедровых орешках. Он прямо из горлышка залпом употреблял безо всякой закуски содержимое, нюхая этот ужасный рукав рабочего халата, пропахший неизвестно чем, и молча подмигивал гостю.

Потом кричал на весь морг:

– Эх, хороша!..

Благодарил женщину и безо всяких дальнейших сантиментов удалялся к себе работать.

И однажды практиканток разобрало извечное женское любопытство:

– Слышь, Петрович, – толкнула его плечом бойкая вездесущая Надька. – Ведь ты же пьёшь, не просыхая, ты же, как мужик давным-давно, поди, ничегошеньки не можешь!... Чего она поит-то тебя, баба эта? Ну, чего молчишь-то?..

Старый чёрт помотал коротко стриженной седой башкой, но ничего не ответил, чем раззадорил девок ещё больше. И вот когда он, со своей вечной папиросой, в очередной раз усталился на начинавшее зеленеть дерево в стороне от молодых болтушек, вопрос Надьки перерос в коллективную мольбу.

– Ладно, трещотки, слушайте. История-то незатейливая. Было это лет уже, почитай, двадцать назад. Прихожу утром на работу, а на этой самой скамейке женщина сидит. Сколько лет не разберёшь, худая, серая, одета непонятно во что, и плачет, убивается, будто вся жизнь у неё кончилась. Думаю, ребёнок у неё пропал или умер. Ну, посочувствовал ей про себя, пожалел, да и пошёл дальше – дело-то житейское, ничего не попишешь. А она возле морга час рыдает, второй, не унимается. Как ни выйду покурить, так и она тут как тут. Послал я тогда к ней Васильевну, которая полы здесь мыла. Говорю, сходи, узнай, чего плачет-то она, может, помочь чем надо?

Возвращается Васильевна и головой качает:

– Бугая сегодня утром привезли огромного, с циррозом печени, так это муж её. Просит пустить её к нему, прощенья попросить, значит. Убила, говорит, нечаянно, попрощаться бы ей с ним...

– Пусть, – говорю, – потом приходит. Работы сейчас невпроворот.

А она сама теперь к Васильевне, и снова просится. Мол, посадят меня теперь, и надолго, а как жить мне, прощенья не попросив?

Выхожу к ней сам.

– Как, – спрашиваю, – дело было?

Сначала всё ревела, а потом рассказала о том, что жили они всегда, как кошка с собакой, что пил он безбожно и бил её каждый день. И однажды поджаривала она макароны с луком на чугунной сковородке, а скотина эта пьяная всё под руку ей гундела и гундела. Между тем дочка из школы пришла. И говорит, скоро праздник у нас большой, просили всех в школу с родителями прийти, нарядными, красивыми, с цветами, шариками. А как же мы, говорит, придём, если папка у нас вечно злой и пьяный? Ну, зверина эта размахнулась и девчущку-то со всей дури и ударила.

Девочка упала, головой стукнулась о прилолку, заплакала.

Тут она и не выдержала: схватила сковороду – как есть, с макаронами – да в грудь ему со всего маху и отхватила (по голове бы саданула, да ростиком мала, не достать ей до его дурной башки-то).

Тот как-то нелепо покачнулся и, цепляясь за стол, рухнул между табуреткой и холодильником, да прямо затылком о батарею!..

Так и умер мгновенно, ни звука не издав.

Посмотрел я на неё: ещё не старая. Может, если ей спокойно пожить да приодеться, может, она и ничего ещё будет...

Вернулся в морг, почитал ещё раз заключение. Печёнка у него совсем мёртвая была, ну месяц, ну два ещё бы протянул, а всё равно бы помер скоро. Следы от сковородки едва видны – через свитер не шибко-то она его и обожгла. Закинул бумагу в топку, и новое заключение написал. Цирроз, мол, недомогание, следов насилия не обнаружено, видимо, сам упал по слабости. Причина смерти – удар головой о тупой металлический предмет, предположительно, радиатор системы центрального отопления.

Ну и не было ей ничего. Поправиться, правда, не поправилась: как была худющей, как скелет, так и осталась. Но хоть глаза спокойные стали. Дочку вырастила, сейчас внуков нянчит...

– ...А проститься-то пустил её, Петрович? – не унимались практикантки.

– Нет, не пустил. Нечего, говорю, у упырей разных прощения просить. Не заслужили...

– А не боишься, что мы всё ментам расскажем? – подступала Надька, напирая на невинного, как дитя, Петровича своим пышным бюстом.

– А кто, тебе, курице, поверит? – дымил старый врач. – Да и чего теперь прошлое ворошить?... А вам так, на будущее, рассказал, может, и пригодится когда. Случай-то разные бывают, иногда от нас с вами и судьба живых людей зависит. Тут соображать надо, это вам не анальгин с димедролом в задницу колоть...